

Л. Калюжная

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Лев Николаевич Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 в родовом имении матери Ясная Поляна под Тулой. По происхождению он принадлежал к верхушке русской аристократии. Его предок по отцу П.А. Толстой одним из первых получил графский титул при Петре Первом. Мать происходила из старинного рода Волконских, и по ее линии Лев Толстой был в дальнем родстве с А.С. Пушкиным. Она ушла из жизни, когда Льву не было еще и двух лет. Ее он не помнил, но в сознании его навсегда поселился ее идеальный образ: «Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто... во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне», — признавался Толстой, когда ему было уже за семьдесят. В девятилетнем возрасте он потерял отца, который умер внезапно от «кровяного удара». (В семье бытовали слухи, что его убили камердинеры, которых он слишком возвысил. Толстой называл таких людей «ошалевшими».) Случилось это в Москве, куда незадолго до этого Толстые переехали из Ясной Поляны, поселившись на плюющиеся в доме Щербачева против церкви Смоленской Божией Матери. Кроме Льва, сиротами остались еще три брата — Николай, Сергей, Дмитрий и сестра Мария. Их воспитанием занялись многочисленные родственники.

Вскоре Толстые переехали в Казань, где жила их опекунша — тетка по отцу П.И. Юшкова. В шестнадцать лет Лев Николаевич избирает для себя дипломатическое поприще и поступает в Казанский университет на восточный факультет по разряду арабско-турецкой словесности. Несмотря на исключительные способности к изучению иностранных языков, Толстой в конце года не был допущен к переводным экзаменам «по весьма редкому посещению лекций» и перевелся на юридический факультет.

Внук бывшего губернатора Казани, он был желанным гостем многих знатных домов города; бурной светской жизни способствовали и его молодое честолюбие, и темперамент, и жажда успеха у женщин... Всего же он проучился в университете три года. Во время его студенчества произошло на первый взгляд рядовое, но, как покажет будущее, судьбоносное событие. Толстой попал в госпиталь. Там 17 марта 1847 он сделал первую дневниковую запись:

«...Здесь я совершенно один, мне никто не мешает, здесь у меня нет услуги, мне никто не помогает — следовательно, на рассудок и память ничто постороннее не имеет влияния... Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души».

Так начался толстовский период строительства своей личности (который продолжался, как и дневники, всю жизнь) — период самоанализа, установлений и правил.

Молодой Толстой вырабатывает для себя руководства на все случаи жизни: как читать книги, как играть в карты, чтобы не проигрывать, как входить в светскую гостиную, как обращаться с женщинами... Кроме того, он разрабатывает свои «Правила для развития воли», «Правила в жизни», «Правила вообще». Разумеется, он их нарушает, выдвигает новые, грозит в дневнике, что убьет себя, если их не выполнит, и т. д. Он уже пережил страстное увлечение Жан-Жаком Руссо, в пятнадцать лет прочел все 20 томов его сочинений, на шее носил медальон с изображением женевского философа, своего «учителя жизни». (Здесь нелишне будет заметить: если Руссо считал, что, рассказав о своих пороках, человек тем самым от них избавляется, то у Толстого, с его максимализмом русской природы, все душевные реформации имели силу поступка.

В 1857 Лев Николаевич совершил первое заграничное путешествие, посетив места, связанные с Руссо, пройдя через Альпы, где в молодости бродил философ, в это же время он встретился в Париже с И.С. Тургеневым, который тонко подметил их разницу:

«...Странный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича — что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо...».

Словом, студент Толстой — человек, который собирается исправлять жизнь, начав с исправления себя.

Вскоре он оставляет университет и уезжает в Ясную Поляну, которая досталась ему при разделе наследства. Девятнадцатилетний юноша становится хозяином 1200 десятин земли и многочисленных крепостных:

«Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастье этих семисот человек, — записывает он, — за которых я должен буду отвечать Богу?»

Но, не найдя общего языка с крестьянами, вскоре уезжает в Москву. Здесь он пытается писать одну повесть, другую, но ни одной не доводит до конца.

Начинаются метания и поиски сферы для приложения сил. Он переезжает в Петербург, где успешно сдает два экзамена — по уголовному и гражданскому праву, чтобы получить степень кандидата прав, но, запутавшись в карточных долгах и личных отношениях, все бросает и возвращается в Ясную Поляну с немцем Рудольфом, музыкой которого неожиданно увлекся. Тут на сцену выходит цыганщина. Брат Сергей привозит в имение табор — песни, романсы, кутежи до утра... Цыгане вместе с немцем Рудольфом поселились в оранжерее, которую построил еще дед Волконский, и с удовольствием ели оранжерейные персики, предназначенные на продажу. Сергей за большие деньги выкупает из цыганского хора Машу Шишкину, чтобы жениться на ней (что позже и произойдет). Едва не женился на цыганке и Лев Николаевич, даже выучил цыганский язык. Среди соседей-помещиков он получает репутацию «самого пустячного малого»... В конце концов старший брат Николай, офицер-артиллерист, увозит Льва с собой на Кавказ весной 1851. А «цыганский опыт» позже войдет в его рассказ «Два гусара» и пьесу «Живой труп».

На Кавказе Лев Толстой принимает участие в военных операциях против горцев сначала в качестве волонтера, затем как офицер («Нашел-таки я ощущения», — отмечает он в дневнике). За храбрость был представлен к Георгиевскому кресту, но уступил его солдату — награда обеспечивала тому пожизненную пенсию.

Здесь Толстой принимается всерьез за литературный труд, но начинает не с кавказской темы, как можно было бы ожидать, а с исповеди (никакие новые впечатления не могли отвлечь Толстого от вечной «тяжбы» с самим собой), задумав создать роман из четырех частей «Детство», «Отрочество», «Юность», «Молодость» (последняя не была написана).

В июле 1852 он отправляет рукопись «Детства», подписанную лишь инициалами «Л.Н.», в самый популярный журнал — некрасовский «Современник», приложив письмо редактору: «...я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое», и суеверно вкладывает в конверт деньги на обратную пересылку. Рукопись неизвестного автора немедленно была принята к печати и вышла в сентябре того же года — года смерти Гоголя. Некрасов в письме к начинающему писателю усмотрел в этом далеко не случайное совпадение:

«Не хочу говорить, как высоко я ставлю... направление вашего таланта... Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе...».

Так, с первой же публикации Толстому было приуготовлено место первого писателя России, с уходом Гоголя оставшееся вакантным. Надо отдать должное и чутью русского читателя. Авдотья Панаева вспоминала: «Со всех сторон от публики сыпались похвалы

новому автору, и все интересовались узнать его фамилию». Впервые он поставит свое полное имя — «Граф Л. Толстой» — только под рассказом «Севастополь в августе 1855 года».

«Отрочество» будет закончено в 1854, «Юность» — в 1857. Между ними написаны рассказы «Набег», «Утро помещика», «Записки маркера», начата работа над «Кзаками» (завершена в 1862).

Три года Толстой пробыл на Кавказе, где, по его словам, «так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода». Кавказские впечатления отражены в рассказах «Рубка леса», «Разжалованный», в повести «Кзаки». В конце жизни Лев Николаевич снова обратится к кавказской теме и создаст одну из самых блестящих своих вещей — «Хаджи-Мурат».

Но вернемся к событиям, которые с микельанджеловской гениальностью «лепили» Толстого, или он сам умел брать у жизни гениальные уроки. Шла русско-турецкая война. В 1854 короткий период Толстой служил в Дунайской армии, участвовал в осаде турецкой крепости Силистрии, а затем подал рапорт о переводе в Крымскую армию, поскольку главное сражение происходило там.

Участвуя в обороне Севастополя как командир артиллерийской батареи на самом опасном четвертом бастионе, Толстой проявил недюжинное мужество и был награжден орденом Анны 4-й степени, медалями «За защиту Севастополя», «В память войны 1853–1856 гг.». Не раз представлялся и к награде боевым Георгиевским крестом, но высшее начальство, много потерпевшее от «беспокойного» офицера (подавал проекты о реформировании батарей, требовал разрешения на издание журнала для солдат, сочинил сатирическую песню «Как четвертого числа...», где высмеивал тупость генералов, из-за которых армия несла поражения, и т. д.), награды не утвердило.

«Севастопольские рассказы» поразили современников правдой, которая пахла порохом, кровью, солдатским потом... Они же стали самой важной творческой вехой писателя — в них автобиографическая проза Толстого переросла в эпическую, о чем свидетельствует финал «Севастополя в мае»:

«Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать, в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны... Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Родился Толстой-эпик, автор романа «Война и мир» (1863–1869), который стал национальной эпопеей, как «Илиада» Гомера, «Энеида» Вергилия, «Человеческая комедия» Бальзака. В центр романа писатель поставил эпохальное событие, потрясшее весь XIX век и изменившее судьбы многих народов: войну России с Наполеоном. В этом произведении более шестисот действующих лиц, его начало предваряли пятнадцать вариантов, семь лет над романом работал художник и историк в одном лице... В.Г. Короленко признавался, что когда он впервые читал «Войну и мир», ему было страшно за Толстого, ведь «его герой — целая страна, борющаяся с нашествием врага». Герои романа — Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова, княжна Марья, Платон Каратаев, капитан Тушин и многие, многие другие, выйдя из рамок художественных образов, вошли в нашу жизнь как реальные исторические лица, наряду с Кутузовым, Багратионом, Барклаем де Толли, Наполеоном...

Произведение такого масштаба и такой силы могло исчерпать возможности любого титана. Если бы Лев Толстой не написал больше ни единой строчки, он все равно остался бы великим писателем. Но его творческая жизнь пройдена пока до середины. В это же время и позже написаны: повести «Поликушка» (1861–1865), «Холстомер» (1863–1885), роман «Анна Каренина» (1873–1877), «Исповедь» (1879–1880), повесть «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886), драма «Власть тьмы» (1886), комедия «Плоды просвещения» (1886–1890), повести «Крейцера соната» (1887–1889), «Дьявол» (1889–1890), «Отец Сергей» (1890–1898), «Хаджи-Мурат» (1896–1904), драма «Живой труп» (1890), роман «Вос-

кресение» (1889–1899)... Это только самые известные из крупных произведений. Толстой был поистине возрожденческим человеком и гениальным мастером не только в эпике, но и в лаконичном жанре новеллы и рассказа, вспомним хотя бы самые известные из них: «Метель», «Два гусара» (1856), «Люцерн» (1857), «Альберт», «Три смерти» (1858), «Хозяин и работник» (1894), «После бала» (1903), «Посмертные записки старца Федора Кузмича» (1905) и др.

Параллельно шла огромная по событиям и сложная по переломам во взглядах жизнь человека и *Учителя* Льва Толстого.

После Севастополя Толстой вышел в отставку и в 1855 побывал в Петербурге, познакомившись с писателями, объединившимися вокруг «Современника», которые так горячо приветствовали его талант.

Он их не разочаровал. «Милый, энергичный, благородный юноша — сокол!.. а может быть, и — орел...» – так описывал свои впечатления от Толстого Некрасов в письме к Тургеневу. «Милым» Толстой, конечно, не был, и в этом все очень скоро убедились.

Войдя в среду профессиональных литераторов, он сразу попал в эпицентр литературно-политических дебатов. После недавней кончины Николая I новый император Александр II обещал отмену крепостного права. Писатели разных взглядов готовы были объединиться в святом деле освобождения крестьян, но разгорелся спор о направлении «Современника». Либералы Тургенев, Григорович, Дружинин, Анненков, Боткин спорили с демократами Некрасовым и Чернышевским, считая, что надо опираться не на гоголевскую, сатирическую, традицию, а на пушкинскую — поэтическую, то есть не превращать литературу в публицистику и трибуну для выражения общественных мыслей. Толстой сначала сочувствовал либералам, но вскоре занял самостоятельную позицию. (Впоследствии его разногласия с Тургеневым едва не привели к дуэли.) По мнению Толстого, улучшение российской жизни может произойти лишь путем нравственного перевоспитания через «самоусовершенствование» каждого, что он и захотел реализовать на практике.

В 1856, еще до реформы, он попытался освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Крестьяне на это не пошли, подозревая Толстого в хитрости и обмане и ожидая указа свыше, надеясь, что будут освобождены с землей. Это не поколебало веры Толстого в «самоусовершенствование». Он занялся крестьянской педагогикой: открыл яснополянскую школу для крестьянских детей, где сам проводил занятия, издавал журнал «Ясная Поляна», писал учебники, народные рассказы, в 1861–1862 ездил в Германию, Францию, Бельгию, Англию, Италию за педагогическим опытом...

Осенью 1862 Лев Толстой женился на восемнадцатилетней Софье Андреевне Берс, дочери врача придворного ведомства. Незадолго до свадьбы он записал: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится...» Семейную жизнь, как и литературную, он начал с исповеди, накануне женитьбы дав прочитать юной невесте свои дневники. Кто вел дневниковые записи, тот знает, что к ним обращаются чаще всего в кризисных состояниях или в минуты раскаяния — картина известная. Тем более, это были дневники Толстого, с его культом правды. Реакция была соответствующая:

«Все его прошедшее так ужасно для меня, – писала Софья Андреевна в своих записках, – что я, кажется, никогда не помирюсь с ним... целая жизнь с тысячами разных чувств, хороших и дурных, которые мне уж принадлежать не могут... как не будет мне принадлежать его молодость, потраченная Бог знает на кого и что...»

Они прожили в большой любви без малого пятьдесят лет, Софья Андреевна стала самым близким для Толстого человеком, родила ему тринадцать детей, существует целая мифология о том, сколько раз она переписывала набело его произведения, но ревнивые отношения, поселившиеся в их доме с самого начала, привели к тому, что у Толстого впоследствии появился тайный дневник, который он в преклонном возрасте по-

мальчишески препятывал от жены, а в конце его жизни взаимная подозрительность вылилась в их личную катастрофу.

На исходе 1870-х Толстой входит в фазу мировоззренческого кризиса, который в своей «Исповеди» называет переворотом: «...жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл...» Своим идеалом он провозглашает «жизнь простого трудового народа», порывает со своим сословием, отходит от литературной деятельности, отрекается от своих художественных произведений и пытается вести крестьянскую жизнь, что получило почти научный термин: «опрошение Толстого».

Для своей семьи он предлагает такой «план жизни»:

«Жить в Ясной. Самарский доход отдать на бедных и школы... Никольский доход (передав землю мужикам) точно так же. Себе, т. е. нам с женой и малыши детьми, оставить пока доход Ясной Поляны, от 2-х до 3-х тысяч... Прислуги держать только столько, сколько нужно... и то на время, приучаясь обходиться без них. Жить всем вместе: мужчинам в одной, женщинам и девочкам в другой комнате... Кроме кормления себя и детей и учения, работа, хозяйство... По воскресеньям обеды для нищих и бедных и чтение и беседы. Жизнь, пища, одежда — все самое простое. Все лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи — продать, раздать...»

Софья Андреевна принять такой план, разумеется, не могла. Это был их первый серьезный конфликт и начало ее «необъявленной войны» за обеспеченное будущее своих детей. (В 1892 Толстой подпишет раздельный акт и передаст жене и детям всю недвижимость, не желая быть собственником.)

В это же время начинается религиозное «нищенство» Толстого. Он даже опередил Ницше, который написал свое «евангелие от сверхчеловека» — «Так говорил Заратустра» — в 1883. Лев Толстой в 1879–1880 годах создает свое «Краткое изложение Евангелия» — без пророчеств и чудес, именуемое с тех пор как «Евангелие Толстого». Еще в двадцать семь лет Толстой сделал в дневнике такую запись:

«Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле...»

Богоборческое проповедничество Толстого вызвало слухи, будто он сошел с ума. Во время пушкинских торжеств в мае 1880 Федор Достоевский писал жене: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался». (Вспомним, что Ницше кончил свою жизнь в сумасшедшем доме.)

Далее последовали другие богоборческие сочинения Толстого: «В чем моя вера?», «Царствие божие внутри нас»... Отношения первого писателя России и Русской Церкви осложнились. Толчком к окончательному разрыву послужил его последний роман «Воскресение», в котором высмеивались религиозные обряды, а содержание романа воспринималось читателями как прямой призыв к низложению существующего строя. Вот, к примеру, запись из дневника Суворина, сделанная в 1901:

«Два царя у нас — Николай Второй и Лев Толстой... Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии».

2 февраля 1901 Святейший Синод вынес определение под № 557, и русская общественность была извещена об отлучении графа Льва Николаевича Толстого от Русской Православной Церкви. В своем «Ответе Синоду» от 4 апреля 1901, который сразу же был опубликован за границей, а в России распространялся в списках, Толстой писал:

«Я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять ее обряды... я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека... я отвергаю все таинства...»

Это объявлено на весь мир тем человеком, который в своем «Отрочестве» писал:

«Я не успел помолиться на постоялом дворе; но так как уже не раз замечено мною, что в тот день, в который я по каким-нибудь обстоятельствам забываю исполнить этот обряд, со мною случается какое-нибудь несчастье, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваясь в угол брочки, читаю молитвы и крещусь под курточкой так, чтобы никто не видал этого».

Софья Андреевна также передала в иностранные газеты открытое письмо, в котором пылко протестовала против действий Святого Синода. Однако уже через год в письме к тетке Льва Николаевича Александре Андреевне Толстой признавалась:

«Больше всего я страдаю за детей своих. Из них отец сделал вполне неверующих людей. Не говорю о старших, он загубил мне Сашу (любимая дочь Толстого и последовательница его взглядов), которая, не прожив еще никакой духовной жизни, сразу перескочила к неверию и отрицанию...»

Решение Святейшего Синода охарактеризовало духовную ситуацию в России — кризис православного сознания, богоискательство, богоборчество. Нелепо, наверное, сегодня говорить о «заблуждениях Толстого». В нем, как в гениальной личности, сфокусировались мировоззренческие настроения большей части русской интеллигенции на переломе столетий. Другое дело, что его именем, его авторитетом эти настроения были благословлены.

Можно сказать, что новый — атеистический — век вступил в свои права в день отлучения Толстого. Вместе с ним в XX веке от Церкви была отлучена вся Россия. Мог ли Толстой предположить, что кумиром XX столетия станет Фрейд, а его прикладная психиатрия, к тому же выстроенная на опыте родовой патологии, будет возведена нашими современниками по веку в философию жизни и что таинство исповеди и причастия заменят психоанализ и допинги...

Все мы в той или иной степени дети «толстовского века», поэтому поучительно вспомнить, как Лев Толстой завершал свой земной круг, когда человека посещают последние, самые важные мысли.

По словам Дмитрия Мережковского, Толстой настолько боялся смерти, что в своей агонии заставил участвовать весь мир. Наверное, у него были на то причины. Последние часы его жизни трагичны. Уйдя ночью из Ясной Поляны в сопровождении дочери Александры Львовны — без конкретной цели и плана, — он заехал в Шамордино к своей сестре, монахини, оттуда пешком отправился в Оптину пустынь, но войти в скит, где жили старцы, не решился, боясь, что они не захотят с ним разговаривать. Сел в поезд, сошел в Астапове из-за болезни, оттуда послал в Оптинский монастырь телеграмму с просьбой прислать ему старца Иосифа. Тот из-за плохого самочувствия приехать не смог. Прислали старца Варсонофия, но его, как и Софью Андреевну, к умирающему Толстому не допустила Александра Львовна. Примирение с Церковью не состоялось.

Впоследствии, уже в Америке, Александра Львовна вернулась в лоно Русской Православной Церкви, откуда ее увел отец, и даже построила на свои сбережения православный храм.